

Оппозиция конфликт- непротивление в культуре и искусстве

Особое положение категории конфликт среди других литературоведческих категорий проявляется между прочим и в том, что у исследователя (как и у писателя или читателя) нередко возникает искушение оценочного подхода к тому, что стоит за этим термином. Яркий пример – «теория бесконфликтности» в советской эстетике, отрицавшая значимость конфликтов в социалистическом обществе. Теория эта была подвергнута справедливой критике, и с художественной значимостью категории конфликт пришлось согласиться. А вот однозначной оценки конфликтного способа поведения и так называемой конфликтной личности нет, не было и не будет. Даже выборочное статистическое исследование отношения писателей, русских, белорусских или американских, к конфликту как способу решения проблем их героями оказалось бы задачей, трудно реализуемой в силу как неразработанности методики выявления такого отношения, так и мнимой ясности вопроса, по китайским меркам, самоочевидного в его субъективности. Опасная близость культурологического, философского, литературоведческого термина конфликт к его эквиваленту в житейском обиходе мешает оценить серьезность проблемы. С другой стороны, этой близостью объясняется и неизменная актуальность, общезначимость работ по данной теме.

В рамках статьи мы наметим два полюса, выбор между которыми сознательно или неосознанно осуществляют деятели искусства, изображая жизненные конфликты в том или ином ракурсе. Условно назовем их революционным или религиозным. При всей внутренней неоднородности как революционных, так и религиозных учений, каждой из этих двух форм общественного сознания присущ единый подход к конфликту, что позволяет как провести водораздел между ними, так и выявить неканонические подходы, еретические ответвления и т.п.

В массовом сознании революционные и религиозные идеи противопоставляются как идеи насильственного разрушения и преобразования («Весь мир насилья мы разрушим до основанья...») или смиренного приятия мира, каким бы несправедливым он ни казался.

Революционный полюс обычно ассоциируется с Марксом: жизнь есть борьба. Причем для основоположника марксизма не только предполагаемый результат, но сам процесс борьбы является идеальным выражением подлинно человеческого способа бытия.

Эта идеализация борца и состояния борьбы классически реализована основоположником литературы социалистического реализма. М. Горький воспекает жажду бури (борьбы), противопоставляя своего смелого Буревестника трусливым и малодушным гагарам, которым «недоступно наслаждение битвой жизни», или «глупому пингвину», который «робко прячет тело жирное в утесах».

Религиозный полюс в нашей утратившей религиозные корни среде чаще всего связывается почему-то с Л.Н. Толстым, отлученным от церкви, с толстовским «непротивлением злу». Хотя здесь было бы уместнее говорить о В.А. Жуковском или Ф.М. Достоевском, воззрения которых более созвучны христианскому учению.

На самом деле оппозиция конфликт – непротивление как характеристика противоположности революционной и религиозной идеологий более чем неточна, а христианский идеал смирения и кротости ни в коей мере не тождествен бесконфликтности.

Для религиозного человека жизнь есть непрестанная борьба ничуть не меньше, чем для революционера. Водораздел между революционной и религиозной позициями пролегает не в отрицании борьбы как основы жизни, а в диаметрально противоположном понимании ее сути и, как следствие, в разной аксиологии борьбы.

Революционер борется с внешними врагами. Верующий ведет так называемую «невидимую брань», борьбу со своими пороками, соблазнами и искушениями, вводящими человека в грех. Тот, кто полагает основой жизни отказ от собственной воли и молитвенное предание себя воле Божией, решается на внешний конфликт только в исключительных случаях, когда не сомневается, что «Бога глас к нему воззвал». В пушкинском «Пророке» условием необходимости конфликтного действия («Глаголом жги сердца людей») является отрешение от собственного видения, субъективного переживания, своекорыстного желания и подчинение Высшей воле («Проникнись волею моей»). Весь текст стихотворения представляет собой описание внутреннего преобразования человеческой природы и только последняя строка содержит призыв к действию, направленному вовне. В целом же истинно верующий человек, подобно князю Мышкину в романе Достоевского, просто не замечает возможности житейского конфликта, порождаемого гордостью, себялюбием, своекорыстием, и проходит мимо конфликтных ситуаций, движимый смирением и любовью, любящий человека и в грехе его. В Мышкине автор поэтизирует тот тип отношений между людьми, который можно было определить

словами Павла Флоренского как «бесконечную друг перед другом покорность». Устами старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» излагается итог многолетних размышлений Достоевского о тайне христианской любви, исключающей возможность житейского конфликта: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день... Пред иною мыслью встанешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: «Взять ли силою али смиренной любовью?» Решишься так навсегда, и весь мир покорить можешь. Смиренная любовь – страшная сила, из всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего». Не конфликт, а смиренную любовь почитает несущий свет христианского учения герой Достоевского «страшной силой», делающей возможным истинное решение проблемы.

Поэт – гражданин живет не для себя. «Не для себя я в этом мире жил, / И людям жизнь я щедро раздарил...», - признается «первый декабрист», арестованный почти за четыре года до восстания В.Ф. Раевский. И признание это не было только лишь красивой фразой, но реальной жизненной установкой декабристов, как и многих других революционных деятелей, живших идеей служения своему народу. Направленность вовне, политика пронизывала существование и творчество поэтов-декабристов. «...Под политической печатью словесность кружится в обществе», - точно оценила ситуацию русской общественной жизни начала XIX в. «Полярная звезда». А руководитель декабристского движения К.Ф. Рылеев однозначно противопоставляет твердую гражданскую позицию своим поэтическим творениям, предназначенным играть служебную роль:

Ты не увидишь в них искусства:

Зато найдешь живые чувства, -

Я не Поэт, а Гражданин.

В своих «Думах» К.Ф. Рылеев воспеваает подвиги Олега, Святослава, Мстислава Удалого, Дмитрия Донского, Ермака, Якова Долгорукова, Ивана Сусанина, Богдана Хмельницкого, боровшихся за национальную независимость отчизны. В революционных песнях Рылеев называет царя тираном и подлецом, достойным смерти («Уж как шел кузнец», «Близ Фонтанки»). Орудием мщения объявляется мужицкий нож, взятый из народных «разбойничьих»

песен. Ставя превыше всего гражданское достоинство личности, Рылеев призывает не «позорить Гражданина сан». Презрением клеймит поэт-патриот тех, кто «с хладною душой бросают хладный взор / На бедствия своей отчизны». Рылеев уверен, что «раскаются» юноши, оказавшиеся в стороне от предстоящего «бурного мятежа» «За угнетенную свободу человека». С сожалением констатируется недалёковидность предпочтения «праздной неги» гражданскому служению. Уход в себя вызывает обвинения в эгоизме, или недомыслии («своей не разгадав судьбы»), или пугает. За бесстрашием политического энтузиазма может скрываться и страх встречи с собственной душой, с которой, по меткому замечанию М.О. Гершензона, служители революции не знают что делать. «Как страшно самому с самим», - признается Ф. Глинка. Как пронизательно замечает М.О. Гершензон, «тип декабриста – это прежде всего тип человека внутренне совершенно цельного, с ясным, законченным, определенным психическим складом, - человека, которому внутри себя ничего делать и который поэтому весь обращен наружу» [1, с.5]. Жуковский с его «Невыразимым», Тютчев с его «Silenzium» человеку декабристского склада непонятны: все можно выразить и преступно умалчивать, скрывать и таить (ср. «молчи, скрывайся и тай» - «Silenzium») ту правду, которая должна просветить общество. Декабристы – проповедники, с их точки зрения, безусловных истин, стремятся донести свои откровения до общества. Ф. Глинка записывает в дневнике перед званым вечером «Греметь на балу». И помечает для памяти: «Об Аракчееве, финансовых налогах, служебных преступлениях». Позже П.Вяземский скажет, что судили за «кровожадную болтовню», а не за цареубийство. Но декабристы считали слово делом. И конфликтный тип поведения выдвигали осознанно как задачу каждого честного человека [2].

Кредо Ф. Тютчева «Лишь жить в себе самом умей» можно рассматривать и как реакцию на поражение декабристского восстания. Но и до и после 1825 года были, есть и будут люди, живущие «не для себя», а значит «без страха и сомнений» идущие на конфликт, «на подвиг доблестный». Равным образом, во все времена существует тип человека, ориентирующийся не на переустройство мира, но на духовное самоустройство. «Все для души», - писал Н.М. Карамзин, а уж кому как не великому историку земли русской знать, что более ценно для истории Отечества. Сходно высказывался В.А.Жуковский: «Бог и душа – вот два существа; все прочее – печатное объявление, приклеенное на минуту» (запись в дневнике 1821 г.).

Трагизму внешнего бытия Жуковский противопоставляет неограниченные богатства и свет человеческой души. Наличие духовной жизни освобождает человека от власти обстоятельств: «В душе моей цветет мой рай». Истинные ценности даны человеку изначально:

Все небо нам дало, мой друг, с бытием,
Все в жизни к великому средство
«Теон и Эсхин»

Декабристы полагали, что личность может проявиться лишь при условии благоприятных обстоятельств. Даже преступник, полагает Л.В.Поджио, может «обновиться, переродиться, облагородиться», если вокруг него будут созданы условия «нравственно-чистой и свободной жизни» [3, с.326]. В.Ф. Раевский утверждал: «Не человек созревает до свободы, но свобода делает его человеком и развертывает его способности».[3, с.365]. Жуковский же уверен, что условия, которые создаются извне, извне же могут быть изменены:

Что может разрушить в мигут судьба,
Эсхин, то на свете не наще
«Теон и Эсхин»

По Жуковскому, тот, кто ищет «изменяющих благ» и «наслаждений минутных», рискует утратить свои «верные блага», в погоне за житейскими успехами забыв о своем человеческом достоинстве и научившись «жизнь презирать». Не изменчивые внешние обстоятельства, а неизменное следование высокому духовному образцу составляет истинную ценность человеческой жизни:

При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою.
«Теон и Эсхин»

И Жуковский, и декабристы стремятся и в творчестве и в личной судьбе воплотить высокий идеал человека, но понимают «высокое» они различно. Декабристы ищут высокие гражданские ценности в деятельной героической жизни, в борьбе с деспотизмом, в готовности жить интересами всеобщими и жертвовать собою во имя отечества и народа. Жуковскому представляется, что высокий гражданский энтузиазм при недостаточной ответственности, дальновидности, мудрости может иметь не только благие, но и преступные последствия. В статье «Энтузиазм и энтузиасты» он пишет: «Разбойник, без энтузиазма режущий прохожего для того, чтоб присвоить себе его кошелек, достоин виселицы. Но менее ли достоин такой награды разбойник-энтузиаст, который ... умертвляет богатого путешественника для того, чтобы ввечеру отдать его золото нищему, которого надеется встретить на той же дороге? Но этот нищий может ему и не встретиться; и ночь прежде

желанной встречи может застигнуть на дороге обоих ...Существуй для всех одна, общая нравственность, утвержденная на христианстве, тогда и частная не поколеблется» [4, с.138]. Безоглядной гражданской отваге он противопоставляет безупречность слов и поступков, честность и порядочность, незапятнанность репутации, чистоту и выверенность позиции человека, умеющего жить вне враждующих лагерей, пользуясь уважением правых и левых, консерваторов и радикалов. Потребность усовершенствовать мир и окружающих подчиняется, казалось бы, более узкой и частной потребности самосовершенствования. Но, являя пример высокой духовной жизни, люди типа Жуковского энергией добра благотворно влияют на окружающих. Как говорил современник Жуковского святой Серафим Саровский, «спаси себя, и вокруг тебя тысячи спасутся». Жуковский являл собой безусловный нравственный авторитет как для декабристов, которые предлагали автору гимна «Боже, царя храни» участие в одной из своих организаций, так и для царя, к которому рисковал обращаться с просьбами о смягчении участи декабристов, когда сами имения боялись произносить. И с кем бы ни общался Жуковский, с неизменным сочувствием отвечая на чрезвычайно разнообразные душевные запросы своих собеседников, он неизменно сохранял цельность своей уникальной личности:

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья:

Он все в себе мирил и совмещал

Ф.И. Тютчев. Памяти Жуковского

Как шутил П. Вяземский, Жуковский умудрялся отыскивать души там, где они никогда не водились, – в Аничковом дворце. Рядом с этим учителем царей и поэтов хотелось быть чище душою наследнику престола, будущему Александру II, образ мышления которого в немалой мере был сформирован Жуковским, и Пушкину – «победителю-ученику».

Ф.И. Тютчев изумлялся уникальной внутренней гармонии душевного и творческого облика Жуковского:

Душа его возвысилась до строю:

Он стройно жил, он стройно пел

«Памяти Жуковского»

Именно в высоком строе души видит Тютчев «лучший подвиг» Жуковского, завещание великой личности «взволнованному», то есть беспокойному, неуравновешенному миру:

И этот-то души высокий строй.

Создавший жизнь его, проникший лиру,

Как лучший плод, как лучший подвиг свой

Он завещал взволнованному миру.

«Памяти Жуковского»

Живший в эпоху бурных политических катаклизмов, Тютчев имел все основания сомневаться в ценности для исполненного смутами и потрясениями мира дарования Жуковского:

Поймет ли мир, оценит ли его?

Достойны ль мы священного залога?

Иль не про нас сказало божество:

«Лишь сердцем чистые – те узрят бога?»

«Памяти Жуковского»

Для революционера нет иной жизни, помимо земной, потому он мечтает о создании земного рая, о достижении идеала на земле. Борьба за идеал для него священна. Идеализируется и человек, готовый на конфликт во имя высоких целей. Идеализация распространяется и на сам конфликт, требующий мобилизации всех духовных сил его участников, мужества, героизма, ума и воли. Даже в случае признания негативных моментов революционной деятельности – насилия, жестокости, крови революционер находит выход в формуле «цель оправдывает средства». В идее жертвенного служения Революции особенно наглядно обнаруживается коренная противоположность революционных и религиозных воззрений.

Соответственно христианскому учению, Бог-отец приносит единокровного Сына в жертву людям, чем искупаются грехи человечества. Иисус Христос отрешается от своей воли («не моя, но твоя воля да будет»), явив людям образец смирения и служения Высшему, идет на унижение, муки и крестную смерть. Революционеры многих времен и народов демонстрировали примеры самопожертвования для будущего блага народа. В 1825 г. в «Полярной звезде» К.Ф.Рылеев напечатал «Исповедь Наливайки»:

Известно мне: погибель ждет

Того, кто первым восстает

На утеснителей народа –

Судьба меня уж обрекла,

Но где, скажи, когда была

Без жертв искуплена свобода?

Погибну я за край родной, -

Я это чувствую, я знаю ...

Та же идея готовности отдать жизнь за будущую свободу соотечественников звучит в письме Рылеева М. Бестужеву: «Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы России» [5, с.7]. Но в настоящем такие же кровавые жертвы требовались и от самого народа,

которого обязывали молиться богу Революции с той же безусловной верой, с какой позволил себя распинать Христос. Путем смены одних земных властителей на других обещалось установление Царства Небесного на земле, купить которое предлагалось кровью не одного Божьего Сына, но множества сынов человеческих.

Верующий исходит из непреодолимой грани между землей и небом, телом и душой, реальностью и идеалом. Тело – храм души, но те, кто насыщают только тело, оставляют голодной душу. Реальность – почва идеала, но живущие только реальностью, не знают идеала. Как и революционер, верующий движим жаждой совершенства, но земную жизнь с неизбежными конфликтами воспринимает как бесконечный путь, движение к идеалу, не имеющее предела и не достижимое простой сменой правителей. Верующий строго укоряет себя, если на этом пути своим неразумным поведением искушает окружающих на конфликт. Причем порицаются не только житейские распри или неуступчивость, но и проявление слабости, провоцирующее в ближних греховные желания безнаказанного самоутверждения за счет тех, кто не способен дать отпор. Не слабость, но сила исходит от истинно верующего человека, не сомневающегося в своей защищенности свыше, не знающего иного страха, помимо страха Божия, не боящегося утраты тленных земных ценностей. В высшей степени показательна история распространения христианского учения в мире. Первые христиане побеждают язычество без внешней силы, но нравственной мощью веры и любви, терпения и постоянства. Не единовременный революционный акт, но века служения христианскому идеалу приносят победу христианству над языческим миром. Не оружием, но смиренным несением креста своего убеждают первохристиане в правоте и истинности своего учения.

Отношение к житейским благам как к второстепенным для человека, постигшего истинные ценности, делает конфликт во имя земных кумиров проявлением суетности и маловерия. Претензии на «разумное» переустройство мира религиозной этикой осуждаются как проявление гордости и самомнения. В Священном писании разграничивается Божие и Кесарево («Воздадите Кесарево Кесареви, а Божие Богови»). Неповиновение гражданским властям допускается только в случае, когда последние требуют отречения от веры или вынуждают к действиям, несовместимым с религиозной нравственностью. Причем неповиновение это понимается исключительно как пассивное – отказ выполнить действие, несущее зло, сопрягаемый с готовностью пойти на

мучение и даже смерть, но отнюдь не на вооруженное выступление. Церковь безоговорочно канонизирует мученика; с известными оговорками прославляется подвиг воина, защищающего отечество (Дмитрий Донской). Святой Сергей Радонежский благословляет князя Дмитрия Ивановича на Куликовскую битву, несущую Руси освобождение от татаро-монгольского ига: «Победиши враги твоя». И русские воины, ободренные молитвами великого старца, бесстрашно шли в бой, готовые положить душу свою за святую веру православную, за доброе свое отечество. Но нет церковного благословения завоевательным походам, междоусобным распрям русских князей. Когда в 1385 г. Рязанский князь Олег собрался в поход против ослабленной Москвы, преподобный Сергей Радонежский пешком отправляется в Рязань, как рассказывает летописец, с «тихими и кроткими словесы и речми и благоуветливыми глаголами и о мире, и о любви». И не мог упрямый Олег противиться смиренному слову старца, «преложи свирепство свое на кротость, и умиришсь, и укротясь, и умолясь вельми душою, устыдился стои́и свята мужа и взял с Великим Князем Дмитрием Иоанновичем вечный мир и любовь в род и род».

Конфликт оправдан в той мере, в какой он способствует преодолению не чужой, но собственной греховности. Потому не внешний, а внутренний конфликт, самопротивление и самопринуждение является естественным для верующего человека. Разница между Раскольниковым и Соней Мармеладовой - героями романа Достоевского «Преступление и наказание» - в том, что первый готов переступить через чужую жизнь ради утверждения собственной идеи, вторая же уверена, что переступать человек может только через себя. Но образ Сони не стоило бы воспринимать как общеобязательный эталон христианского поведения, как это часто делается. Основная христианская заповедь гласит: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39), то есть люби ближнего не меньше, но и не больше себя. Соня данную Богом меру любви превышает, распиная себя ради своих родных и следуя тем самым не человеческому образцу. Она идет по тому мученическому пути, которым шел Христос, вовсе не требовавший от каждого человека повторения своего подвига, и тем самым вступает на стезю избранных.

В классическом труде «Невидимая брань» [6], составленном старцем Никодимом Святогорцем, утверждается необходимость и неизбежность внутреннего конфликта, невидимой брани для человека, который жаждет спасения души. Идеал праведности исключает конфликтность, но земная человеческая природа и абсолютный идеал несовместимы. Потому в конфликте и через

конфликт человек добивается совершенства, мечтая о мире в душе как о благе, даруемом очищением души, полным смирением перед Высшей Волей. Неустанная борьба – тот тяжкий крест, который несет верующий и через который надеется обрести Царство Небесное. В богословии утверждается: «Страсти, которым нет противоборства со стороны человека, постепенно убивают его душу, то есть делают ее эгоистичной, гордой, бесчувственной, не способной ни к бескорыстному добру, ни к радости, ни тем более к духовным переживаниям» [7, с. 90].

Иными словами, внутренний конфликт необходим для сохранения в человеке его высшего божественного начала, которое неизбежно должно вступать в борьбу с греховной земной природой человека, испорченной первородным грехом. «Жизнь без внутренней борьбы с собой, то есть жизни духовно пассивная (Мф. 7, 21) или текущая по наклонному руслу удовлетворения страстей плоти и духа, приводит человека к окончательному рабству греху...» [7, с. 99].

Таким образом, принципиальное различие между революционной и религиозной идеологией состоит не в утверждении или отрицании конфликта, а в доминировании определенного типа конфликта (внешний – внутренний), в корреляции конфликта и идеала. В революционном сознании конфликт (борьба с угнетателями народа) входит в состав идеала. В религиозном сознании наличие конфликта (невидимой брани) – знак удаления от идеала, но и средство для достижения идеала, недопустимое, немыслимое в его составе.

Идейное содержание и поэтика произведения искусства, осознает это писатель или нет, во многом определяется именно корреляцией конфликта и идеала, приближающей художника к одному из обозначенных в названии статьи полюсов.

Литература

1. Гершензон, М.О. История молодой России / М.О.Гершензон. - М.; Пг.,1923.
2. См. об этом: Лотман, Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) / Ю.М.Лотман // Литературное наследие декабристов. - Л., 1975. - С. 25 –75.
3. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. - М., 1951. – Т. 2.
4. Жуковский, В.А.Письма / А.В.Жуковский // Полн. собр. соч.: В 12 т. - СПб., 1902. - Т.Х.

5. Воспоминания Бестужевых. – М.; Л., 1951.
6. Святогорец, Н. Невидимая брань / Н. Святогорец. - Л., 1991.
7. Осипов, А.И. Основное богословие / А.И.Осипов. - М, 1994.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ